

21. *Мистер Бумс*. Праздничный случай (не-поэма) // Уральская жизнь. 1911. 19 февр. (№ 40). С. 3.
22. *Мистер Бумс*. Столбы в г. Осе // Уральская жизнь. 1914. 12 июля (№ 154). С. 3.
23. *Садко*. Альбом открытых писем (IX) // Урал. 1907. 8 сент. (№ 2957). С. 2.
24. *Садко Н. И.* Альбом открытых писем. II. «Смахнув прилив минутной грусти...» // Уральская жизнь. 1906. 13 сент. (№ 198). С. 2–3.
25. *L'homme qui rit*. «Злоба» // Уральская жизнь. 1903. 19 февр. (№ 48). С. 2.
26. *L'homme qui rit*. Отрывки // Уральская жизнь. 1902. 6 июня (№ 148). С. 2.
27. *L'homme qui rit*. Отрывки. XVII. «Так как тем для разговора...» // Уральская жизнь. 1902. 3 июля (№ 175). С. 3.
28. *L'homme qui rit*. Отрывки. XXIX. «В порядках Нижнего Тагила...» // Уральская жизнь. 1902. 31 июля (№ 203). С. 2.
29. *L'homme qui rit*. Отрывки. LXXIII. «И вот ремесленного клуба...» // Уральская жизнь. 1902. 4 дек. (№ 329). С. 2.
30. *L'homme qui rit*. «“Урал” вниманием нахальным...» // Уральская жизнь. 1902. 13 окт. (№ 277). С. 3.

Н. С. Журавлева

Челябинск

Деятельность областной комиссии Союза советских писателей в 1930-е гг. (на примере Уральского региона)

Оформление многих региональных отделений Союза советских писателей инициировал Первый Всесоюзный съезд писателей, проходивший в августе 1934 г. Ему предшествовало постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., утвердившее вместо множественности группировок единые творческие союзы. Советская власть, объявляя строительство социализма, нуждалась в социальной базе, для чего провозглашалась «культурная революция» с целью воспитания нового советского человека. Без привлечения литераторов этот процесс существенно затруднялся. В числе прочих остро стояла задача подготовки начинающих литераторов, вышедших из рабочего класса и крестьянства. Для управления периферийными авторами уже в декабре 1934 г. возник Сектор областной литературы. Его работники столкнулись с проблемой — неизвестностью самих писателей и их произведений. Поэтому на первый план вышли рецензирование и консультации. Так, в 1935 г. было разобрано 200 произведений (123 автора). Публикация рецензий в столичной печати также провозглашалась приоритетной формой работы. Если в 1933 г. вышло 33 рецензии, то в 1934 г. — 65 и в 1935 г. — 100 [8, л. 18]. В частности, Б. Гроссман о журнале «Штурм» (1935 г.) писал, что редакция помещает

хорошие вещи, но не работает над ними. Как пример он привел плохо отредактированные отрывки из романа А. Авдеенко «Я люблю». В итоге у рецензента сложилось впечатление, что публикуют без разбора, чтобы заполнить пробелы. В целом большинство произведений уральцев Гроссман назвал художественным полуфабрикатом: «Они только прилежно описывают действительность, боятся что-либо упустить. Они не владеют искусством отбора материала, их реализм в ряде случаев — наивный. <...>. Они работают неровно и не заботятся об обогащении своего мировоззрения и культуры» [6, л. 15].

Также происходило прикрепление московских писателей к областным отделениям, но, судя по документам, их тяготила эта общественная нагрузка и они всячески пытались увильнуть от нее. Исключение составили несколько литераторов, в числе которых был В. Гусев, работавший со свердловской организацией — крупнейшей в структуре Союза. Кроме того, регулярно осуществлялись выезды бригад и инструкторов в регионы. П. Замойский был в Магнитогорске (1935), И. Френкель и Б. Гроссман — в Челябинске (1936). Свердловск посетили в разное время В. Гусев, А. Селивановский и Л. Овалов (1935). Столь частые визиты были вызваны внутренним конфликтом: Б. Ручьев, Н. Куштум, К. Реут, Г. Троицкий, С. Корольков и П. Хорунжий в письме правлению обвинили своего руководителя Н. Харитонову в развале работы и превышении полномочий. Этот поступок был расценен как «политическое и бытовое разложение». В президиуме правления Союза писателей возникла дискуссия о бегстве и аполитичности начинающих авторов [3]. Как следствие — активизация работы с писателями, введение обязательной политечебы. Вскоре областной сектор инициировал курсы для молодых авторов. Их посетили свердловчане Корольков, А. Батуллин, С. Колосницын, А. Строкин, Б. Гранин, пермяк А. Каменский, челябинцы С. Каркас (Федоров) и В. Сержантов. Информации о проведении в дальнейшем таких курсов не встречалось.

Следует заметить, многие начинания областного сектора не получили продолжения. Например, предполагалась публикация лучших произведений областных авторов в московских издательствах «Советский писатель» и «Гослитиздат». Среди имен уральцев назывались О. Маркова, Корольков, А. Бондин. Однако в свет вышел только роман курганца И. Коробейникова «Застойцы» (1935). Вероятно, областной сектор не сдержал обещания из-за дефицита финансирования. Огромные средства (не менее 1–1,5 млн руб.) уходили на помощь молодым авторам. Но уже вскоре стало очевидно, что лишь единицы из них становятся настоящими писателями. Причина этого, по мнению секретаря Кировского отделения, заключалась в их ранней профессионализации, отрыве от трудовой среды и стремлении зарабатывать на жизнь только литературной работой [1]. В 1937 г. на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия о том, нужны ли областные отделения Союза вообще. Самих писателей такая ситуация не устраивала, что отразила докладная записка В. Ставскому от сибирских, свердловских и челябинских авторов. В ней утверждалось, что областной сектор не справляется со своими обязанностями: лишь 11 представителей сектора охватывали

15 областей, а в состав РСФСР входило 25 областей и пять краев [4]. Требовалась коренная перестройка работы, что и произошло летом 1937 г. Коллегиальное руководство (правление) заменялось институтом уполномоченных. Это означало усиление контроля со стороны Москвы, что, например, проявилось в обязательности согласования творческих отпусков с секретариатом Союза. В Челябинске эта перестановка привела к кризису: уполномоченные В. Губарев, а затем В. Макаров не успели вступить в должность из-за репрессий. Также арестовали Ручьева и М. Люгарина. В организации не осталось ни одного члена Союза, а значит, она лишалась юридического статуса и финансирования. Зато оставались писатели, которые публиковались в печати и даже осуществляли отчисления в Литфонд.

Невнимание к нуждам периферийных писателей отражало тенденцию превращения Союза советских писателей в своеобразное бюрократическое ведомство по делам литературы. Недовольство этой ситуацией выразил заведующий Отделом печати и издательства ЦК ВКП(б) А. Никитин. Он утверждал: «Союз не ведет сколь-либо серьезной работы с писателями. В центре его внимания находится не писатель и его деятельность, а преимущественно лишь различные хозяйственные дела и околотитературные дразги» [5]. В этой ситуации последовало назначение нового руководства: в 1938 г. председателем правления стал А. Фадеев, а областной сектор был преобразован в бюро областных комиссий (возглавила А. Караваева). Отныне за деятельность местных авторов отвечала комиссия, а не писатели-одиночки. Также деятельность бюро стала носить более формализованный характер, заметно увеличился поток отчетных документов с периферии, что подтверждают фонды РГАЛИ [6–10]. Между тем это отражало общую тенденцию централизации и бюрократизации власти в стране.

Возрождение практики учебных курсов для областных писателей стало реальным результатом работы новой структуры. До Великой Отечественной войны регулярно проводились курсы-конференции с привлечением ведущих специалистов по общественным наукам. Так, на курсах с 10 ноября по 10 декабря 1939 г. читали лекции К. Ион (об искусстве), М. Покровский и Н. Мещеряков (о философии и эстетике), М. Рыбникова («О фольклоре»), К. Чуковский («Об искусстве перевода»), Н. Мацуев («О библиографии») и др. В 1939 г. курсы посетили уральцы Г. Троицкий, В. Кузнецов и К. Мурзиди, в 1940 г. (15 ноября — 2 декабря) — Б. Рябинин, В. Стариков, В. Занадворов и Б. Дижур. Безусловно, эти курсы являлись одной из форм контроля бюро областных комиссий за ситуацией в регионах, хотя при этом оно не отказывалось от командировок на периферию. Более того, они участились, к местным организациям прикреплялись конкретные писатели, которые представляли бюро на всех их важнейших мероприятиях. Внеплановые командировки могли быть вызваны очередными склоками в среде писателей. Причем зачастую стороннее вмешательство только усугубляло внутренние конфликты. Так, Маркова рассказывала об обиде на К. Паустовского, С. Михалкова и К. Симонова, приезжавших в Свердловск в 1939 г.: «Они не оказывали нам творческой помощи, не спросили, что пишут писатели. Они демонстрировали

на страницах областной газеты свои стихи, но даже не поговорили с местными писателями» [6, л. 33]. У А. Климова сложилось впечатление, что «Москва интересуется провинцией, в частности, Свердловском, от нарыва до нарыва» [8, л. 30]. Об этом он заявил на областном творческом собрании писателей в 1940 г. после визита Б. Вадецкого. Пренебрежение уполномоченными областного бюро своими обязанностями отчасти объяснялось тем, что зачастую они приезжали в провинцию заработать денег. Например, в Челябинске И. Рахтанов за двухнедельное консультирование получил 890 руб., а С. Пакентрейгер за рецензирование рукописей — 485 руб. [8, л. 44]. А. Серафимович весной 1941 г. отправился в турне с лекциями по Уралу (Пермь, Свердловск, Челябинск). Программа выступлений была стандартна, как и гонорар за каждое из них — 900 руб. [6].

Командировки региональных писателей в Москву также участились в предвоенный период. Если они не были связаны с учебными целями, то, как правило, объяснялись внутрикорпоративными конфликтами. В числе прочих можно назвать «Челябинское дело», которое привело к вмешательству Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). С 1939 г. запрещались публикации без просмотра рукописи в Москве, а значит, повышался уровень зависимости областных писателей от центра. После рецензии Е. Златовой ОГИЗ запретил четвертый выпуск альманаха «Стихи и проза». По ее мнению, редакция собрала материал, «довольствуясь отрывками, глядя сквозь пальцы на низкое качество и надеясь выгадать на тематической остроте произведений» [8, л. 44]. Свой протест в письме заведующей издательским правлением ОГИЗа челябинцы выразили в резкой форме. Начались разбирательства, созвали заседание бюро областных комиссий. Большинство согласилось с рецензией Златовой, указав на то, что она не имела права запрещать издание: рецензия — личное мнение. Письмо челябинцев признали хулиганским, а их метод — недостойным звания советского писателя.

Отчетность региональных отделений Союза перед бюро областных комиссий приобрела систематический характер после постановления ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1940 г. «О литературной критике и библиографии». Предполагалось создание постоянных литературно-критических отделов в журналах и газетах, систематизация рекомендательной библиографии, обращение к темам современности. По мнению ряда специалистов, это решение стало логическим продолжением постановления от 23 апреля 1932 г. и своеобразной вехой, завершающей культурную политику 1930-х гг. [2, с. 61]. Если прежде заседания бюро созывались в экстренных случаях, связанных с какими-либо внутренними конфликтами, то теперь подробно обсуждалось даже творчество писателей. Это отразилось также в периодике: в частности, в уральских газетах стала чаще появляться рубрика «Критика и библиография» с обзором творчества местных писателей.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. происходило становление Союза советских писателей, апробация механизмов его взаимодействия с административными структурами и преодоления внутрикорпоративных конфликтов, а также предпринимались попытки выработать стратегию руководства областными отделениями.

Литература

1. Алдан А. Нужны ли областные отделения Союза писателей? В порядке обсуждения // Литературная газета. 1937. 5 июня.
2. Голубков М. М. Русская литература XX века. После раскола : уч. пособие для вузов. М., 2001.
3. Журавлева Н. С. «Литературные забавы» уральских литераторов в 1930-е годы // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 136–144.
4. Литературная газета. 1939. 5 дек.
5. О положении в Союзе советских писателей [Электронный ресурс]. URL: http://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_8868.html.
6. РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 79.
7. РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Ед. хр. 98.
8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153.
9. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 193.
10. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 264.

Ю. С. Подлубнова

Екатеринбург

Жанровая эволюция в драматургии А. И. Завалишина*

Александр Иванович Завалишин (03.06.1891, с. Кулевчи Варненского р-на Челябинской обл. — 1939) — один из талантливых драматургов 1920–30-х гг., чье имя, как его пишет В. Гудкова, было забыто в позднейшей истории советской драматургии в связи с арестом и расстрелом [2, с. 212]. Известно, что Александр Завалишин — коренной казак¹. Окончив школу, служил писарем. Первый сборник «Серый труд» выпустил вместе с А. Афиногеновым в 1911 г. Через месяц сборник был конфискован из-за «крамольного содержания». В 1915–1917 гг. учился университете Шанявского в Москве. С 1917 г. — активный участник Гражданской войны на стороне Красной армии, организатор коммун и советов в Оренбургской и Челябинской областях. В эти годы он пишет фельетоны, рецензии и статьи для местных газет, создает небольшие пьесы. В 1922 г. направлен

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО — СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

¹ Биография А. И. Завалишина приводится по справке А. П. Моисеева в энциклопедии «Челябинск» (<http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=5770>), а также по статье двоюродной племянницы писателя З. Дудиной (Деревянченко) (http://www.cultandart.ru/prose/73288-zavalishin_aleksandr_ivanovich). См. также статьи краеведов: Шмаков А. А. Наше литературное вчера. Челябинск, 1962; Фоотов М. Пастушок, сочинивший «Строй-фронт» // Челябинский рабочий. 2008. 17 апр.; Дудина З. Расстрелян на Коммунарке // Магнитогорский металл. 2011. 13 авг.